

Е. П. ПРИВАЛОВА

## О ЗАБЫТОМ СБОРНИКЕ ТВЕРСКОЙ СЕМИНАРИИ

Среди русских провинциальных городов XVIII века одно из первых мест занимала Тверь. С воцарением Петра I город начал расти с особенной быстротой. Тверь поставляла для строительства Петербурга рабочую силу, провиант и материалы.

Местоположение между новой столицей и Москвой способствовало росту промышленности и торговли, культурным связям города с центром. В 1763 году тверитяни постигла большая беда: пожар уничтожил большую часть города. В дневнике современника, тверского купца Михаила Тюльпина, сохранилось картинное описание этих страшных дней. Пылали целые улицы с деревянными домами и многочисленными церквями. Было немало человеческих жертв.

Тверь недолго лежала в руинах. Крупные денежные ссуды и материалы, предоставленные императрицей Екатериной, дали возможность не только восстановить, но и чрезвычайно украсить город. Тверь росла и крепла, на глазах превращалась в один из самых красивых и художественно ценных городов России. В строительстве новой Твери принимали участие лучшие зодчие страны: М. Ф. Казаков, П. Р. Никитин. Общими усилиями русских художников и талантливых мастеров-рабочих был создан великолепный ансамбль провинциального города эпохи русского классицизма. Наряду с этим росло значение города как административного центра. В 1776 году было организовано Тверское наместничество. В январе этого года в Тверь был командирован Я. Е. Сиверс для проведения выборов предводителя дворянства и судей, а также для открытия ряда губернских учреждений.

Строительство Твери было событием настолько большого масштаба, что нашло отклик в самых различных слоях населения страны. С гордостью говорили о возрождении города в правительственных кругах. Екатерина II писала М. Гримму, что считает Тверь украшением своей империи. Каждый приезжий считал долгом осмотреть город, насладиться его красотой. Молодой Болотов, сын известного мемуариста и ученого агронома, приехав в 1789 году к родственникам в Тверь, восторженно писал отцу о своих впечатлениях, причисляя Тверь «по благоустройству и прекрасному строению к числу самых лучших городов».

Быстрый рост провинциального города настолько поразил воображение современников, что это нашло свое отражение в художественной литературе. В данной связи интересна пьеса М. И. Веревкина «На нашей улице праздник», поставленная в новгородском, а возможно, и в тверском театре в 1776 году.

В одном из эпизодов пьесы рассказывается о том, как тверской мешанин после 13 лет отсутствия возвращается в родной город. Идя по Волоколамской дороге, приближаясь к Твери, он не узнает родных мест. Путника поражают новые дома, построенные «все под один фрасунок», обилие народу, царящее вокруг оживление.

Горячими патриотами родного города были сами тверитяне. Многочисленные «надписи» и «канты», сочиненные тверскими семинаристами, посвящались красоте зданий и живописным местам города. Юные поэты обращали свои первые поэтические опыты «К реке Тверце», «К реке Тьмаке», «К реке Волге», «К тресвятскому саду», «К монументу, сооружаемому в Твери», «К городскому теплому собору» и пр.

Воспевая реку Тверцу, поэт писал:

Разлитием воды, хотя Тверца мала,  
Но пользой многие ты реки превзошла.  
Желаю б мы, чтоб ты в Петроград протекала  
И счастье жителей тверских там возвещала.<sup>1</sup>

Если о материальном состоянии Твери XVIII века, о создании ее замечательного архитектурного ансамбля мы знаем достаточно подробно, то роль города как культурного центра остается еще мало изученной.

В научной литературе многократно указывалось на то большое место, которое занимала в жизни Твери Духовная семинария, преобразованная в 1739 году из Греко-славянской школы. Тверская семинария принадлежала к наиболее организованным и передовым духовным школам второй половины XVIII века. Период ее расцвета падает на 60—80-е годы. Это было время ректорства, а потом епископства Арсения (в миру Василия) Верещагина (1736—1799), одного из образованнейших представителей высшего духовенства екатерининского царствования.

Что же представляла собой Тверская семинария в 70-х годах XVIII столетия?

Духовная семинария была большим учреждением, в котором числилось около шестисот воспитанников. Материальная сторона жизни учащихся была очень тяжелой, нередко семинаристам приходилось жить на пятнадцать копеек в месяц. Не удивительно, что для многих учебы являлось непосильным бременем. Большой помехой была теснота помещения. Зданию каждую весну угрожало наводнение.

Преподавание в семинарии не ограничивалось богословием и другими чисто церковными дисциплинами. В программы удалось ввести курсы физики, естествознания и гражданской истории. Крупным нововведением было впервые принятое в духовной школе преподавание всех предметов на русском языке. Этот шаг потребовал больших усилий и упорной борьбы. В годы ректорства Арсения епископу Тверскому, широко известному впоследствии Платону Левшину, была подана анонимная челобитная — «вопль купецких и разночинческих малолетних детей». Податели ее обращались к епископу со слезной просьбой: «Отверзите нам врата наук: изведите нас из нашего несчастья. Повелите во учрежденных в епархии вашей училищах науки преподавать на нашем природном Российском языке, дабы через то родители наши были побуждены отдавать нас в училища, не видя уже никакого препятствия и к тому их вашим архипастырским увещанием склонить не оставьте».<sup>2</sup>

Челобитная свидетельствует о большой тяге разночинных кругов к образованию. Есть все основания предполагать, что «вопль купецких и разночинческих малолетних детей» был написан одним из образованнейших тверских уроженцев, историком города — Диомидом Кармановым с ведома ректора Верещагина. Платон Левшин не выполнил просьбы разночинских детей. Только несколько лет спустя реформа была проведена в жизнь епископом Арсением.

<sup>1</sup> Тверская семинарии школьные упражнения 1778 года, стр. 20.

<sup>2</sup> Д. Карманов. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893, стр. 165.

Характерной чертой семинарской жизни было увлечение литературой, в частности поэзией. Читая произведения семинарских поэтов, невольно думаешь: не поэзия ли определяла основной профиль этого учебного заведения? Называя родную школу Геликоном и Парнасом, семинарские поэты имели в виду не только учебные, но и литературные успехи семинарии.

Торжественно отмечая день закладки нового здания, учащиеся видели в этом событии залог дальнейшего развития дорогой их сердцу поэзии:

Паллада русская щедротою своей  
Велит воздвигнуть храм священный Музам сей.<sup>3</sup>

«Открыл тверского ты Парнаса красоту», — писал поэт, обращаясь к бывшему ректору.

Арсений Верещагин был страстным любителем литературы и старался развить эту склонность у своих воспитанников. В семинарии были свои поэты: учитель поэзии Петр Терликов, Иван Галахов, поднесший преосвященному изложение физики в стихах, баснописец Федор Модестов и др.

Заняв впоследствии ярославскую епископскую кафедру, Арсений Верещагин насаждал интерес к поэзии среди семинаристов Ярославля.

Умственные интересы семинаристов были, видимо, достаточно широки. В училище была хорошо подобранная библиотека. В Колосов в своем исследовании дает перечень входящих в библиотеку книг. Мы видим здесь и «Похождения Телемака» Фенелона, и «Монтескиевы размышления о величестве и упадке Римского народа», и «Дневные записки путешествия адъютанта Лепехина», и указы Петра I.

Среди учителей и воспитанников старших классов пользовались большой популярностью новые современные журналы. Об этом свидетельствуют «надписи» преподавателя Петра Терликова «К „Утреннему свету“» и «К „Санктпетербургскому вестнику“», опубликованные в трудах Тверской семинарии за 1779 год. Приведем оба стихотворения полностью.

#### К «УТРЕННЕМУ СВЕТУ»

Поправить предприняв испорченные нравы,  
И добродетели святы открыть уставы,  
И вкупе бедности призренье подать,  
И юность к истине и чести воспитать,  
Собрание мужей и честных и ученых  
Сколь добродетельных, столь также просвещенных  
Плоды трудов своих в свет книгу издает,  
Котора «Утренний» от них зовется «свет»!  
Правдиво лъзя назвать ее для мысли светом;  
Сей свет единственно и есть ее предметом.<sup>4</sup>

В стихотворении правильно отмечены многие черты, характерные для «Утреннего света»: высококвалифицированный состав группы, стоявшей во главе журнала, интерес издателей к этическим проблемам и поставленные ими благотворительные и просветительские цели. Между петербургским журналом и Тверской семинарией существовала тесная связь. Автор «надписей» Петр Терликов сам был сотрудником «Утреннего света». Знакомство семинаристов с новиковским журналом не дает еще права говорить о влиянии масонства в стенах семинарии. Однако можно с уверенностью сказать о существовании

<sup>3</sup> Разные сочинения Тверския семинарии в день радостного торжествования по причине заложения оной, последовавшего сего 1777 года мая 22 дня... М., при имп. Московск. унив., 1777, стр. 18.

<sup>4</sup> Продолжение четвертое Тверской семинарии школьных упражнений 1779 года, стр. 20.

масонских связей в самом городе. Первый тверской наместник Я. Е. Сиверс был масон. В Твери жил некоторое время и занимал видные административные посты Игнатий Антонович Тейльс, видный масон, человек близкий Н. И. Новикову. Из протоколов Ученой тверской архивной комиссии видно, какой обширный масонский материал был передан в ее ведение наследниками многих тверских дворянских фамилий. Часть из переданных вещей и документов была очень давнего происхождения. Это говорит о том, что масонство в Твери имело глубокие корни.

Еще интереснее та характеристика, которую дал Терликов журналу «Санктпетербургский вестник»:

Сказал Гораций Флак, что тот всем угождает,  
Кто вместе пользует и вместе услаждает,  
Хоть много издано уже в России книг,  
Однак небольшое число есть таковых,  
Как та, что вестником Петропольским зовется,  
В потомках похвала ее во век прострется,  
Забава с пользою в ней соединена,  
На место многих книг быть может та одна.  
А что в ней лучше всех, то знает сам читатель,  
Коль просвещенных он умов есть почитатель.<sup>5</sup>

Характеристика, данная учителем Тверской семинарии, вполне соответствует нашей современной оценке «Санктпетербургского вестника», как одного из наиболее серьезных и значительных журналов последней четверти XVIII века.

Смотром творческих сил училища, сил литературных и научных, были диспуты. Они устраивались в дни престольных праздников, по случаю больших исторических событий (например, в день празднования заключения мира с Турцией), по поводу прихода высоких гостей. Диспутами отмечались начало каникул и выпуск воспитанников из стен училища. В упомянутом сборнике Тверской семинарии содержится следующая программа подобных торжественных собраний: «Сии канты были петы между действиями богословских состязаний. Причем семинаристами говорены были стихи русские и латинские, также благодарственные и приветственные речи на языках русском, латинском, французском, греческом и корельском и разные разговоры, в стихах русских сочиненные».<sup>6</sup>

Участниками выступлений были учителя, семинаристы, а иногда и ученики духовных училищ. Диспуты проводились открыто и собирали немалое количество посторонних. Каждое подобное собрание было событием для тверских горожан.

Достижения семинарии не могли быть плодом деятельности одного лица. Несомненно, высокообразованный Арсений Верещагин имел вокруг себя людей, на которых мог опираться. Но были области, где инициатива принадлежала Арсению Верещагину, и его роль здесь высоко оценивалась современниками.

Студенты Московской академии, в недавнем прошлом воспитанники Тверской семинарии, издали в 1779 году сборник произведений, посвященный любимому наставнику. Заглавие книги следующее: «Стихи великому господину преосвященнейшему Арсению епископу Тверскому и Кашинскому, изъявляющие отменную его преосвященства любовь и старания о науках, которые к чести и пользе отечества благоволит умножать чрез заведение новых училищ в других епархиях своей города и прославлять чрез издание в печать Тверской семинарии сочинений с удовольствием от публики принимаемых,

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Разные сочинения Тверския семинарии, стр. 24.

которые в засвидетельствование достодожного высокопочитания и благодарности за высокие его преосвященства милости благоговейнейше посвящают и приносят Тверской его преосвященства епархии в Московской академии обучающиеся студенты. Печатаны в тип. Импер. Московского Университета 1779 года января дня».

Эти слова содержат, помимо обычных славословий, конкретные указания на заслуги Арсения Верещагина. Он основал ряд духовных школ в городах подведомственной епархии. Он же заложил основы издательской деятельности Тверской семинарии.

В «Истории Тверской духовной семинарии» В. Колосова дан следующий перечень ранних трудов Тверской семинарии:

1. Разные сочинения Тверския семинарии в день радостного торжествования по причине заложения оной, последовавшего сего 1777 года, мая 22 дня по особенному благоволению е. и. в. матери Отечества, великия премудрыя Екатерины втория при отправлении богословских состязаний в присутствии как духовных, так и светских особ, предложенных 26 мая 1777 года. Печатано при импер. Московском университете. 24 стр.

2. Тверския семинарии школьные упражнения 1778 года.

3. Продолжение четвертое Тверской семинарии школьных упражнений 1779 года».

У двух последних книг нет указаний на место издания, типографию и год выхода в свет. Эти книги не значатся ни в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова, ни в «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина». Колосовым охвачено, видимо, далеко не все. Выход в свет трудов Тверской семинарии начался раньше. Один из сборников семинарских сочинений выпал из поля зрения исследователей. Ни у Колосова, ни у советских ученых нет упоминания о следующей книге: «Разговоры разного содержания прозою и стихами в пользу учащегося юношества, сочиненные в Тверской семинарии» (СПб., 1774).<sup>7</sup>

«Разговоры» 1774 года резко отличаются по своему составу от других семинарских изданий тех лет. В сборник вошли произведения одного жанра, что явствует уже из заглавия книги. Под «разговорами» понимались диалоги, коротенькие сценки, напоминающие интермедии. «Разговоры» имели давнюю традицию в русской литературе. Семинаристы не могли не знать «Разговора гражданина с селянином да певцом или дьячком церковным» и «Разглагольствия тектона, си есть древодела, с купцом» Феофана Прокоповича. В форме вопросов и ответов был написан «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» В. Н. Татищева. Диалогическая форма была хорошо известна и по западным источникам. С «Диалогами» Лукиана Самосатского воспитанники духовных школ знакомились по «Риторике» Феофана Прокоповича. Классическим образцом этого жанра были «Домашние разговоры» Эразма Роттердамского, представлявшие собой собрание нравоучительных и сатирических диалогов.

Характерно, что в сборники школьных упражнений, выпущенных Тверской семинарией в 1777—1779 годах, «Разговоры» не были включены, хотя и упоминались как необходимая составная часть диспутов. Руководители семинарии, публикуя труды, имели в виду главным образом официальную, торжественную часть диспутов, состоявшую из богословских состязаний, од, кантов и надписей. «Разговоры» не соответствовали общему серьезному тону

<sup>7</sup> Помимо издания 1774 года (№ 9470), у Сопикова значится еще одна книга: «Разговоры, сочиненные в Тверской семинарии для малолетних детей». СПб., 1771 (№ 9464). У Смирдина упомянута только первая из них. Мои попытки разыскать издание 1771 года в книгохранилищах Москвы, Ленинграда и Калинин пока не увенчались успехом.

сборников, казались как бы низшим жанром, близким к просторечию и примитивным вкусам учащихся.

Последующие издания духовных школ еще дальше отстоят по своей направленности от проникнутого сатирическим духом тверского сборника 1774 года. В конце 80-х годов духовные семинарии Твери, Харькова и Ярославля издали ряд сборников, посвященных путешествию Екатерины II по России.

Наиболее близкой по своему типу к тверским «Разговорам разного содержания» была следующая книга: «Богословские рассуждения и несколько при конце детских разговоров, читанные на богословских публичных состязаниях в разное время в семинарии Святотроицкия Сергиевы Лавры. Под предводительством тоя семинарии ректора и богословия учителя иеромонаха Аполлоса. Ч. I. М., Унив. тип. Н. Новикова, 1781. 111 стр.».

Сборник Аполлоса-Байбакова носил синтетический характер. В нем сложные философские размышления уживались с бойко и остроумно написанными тремя «детскими разговорами», т. е. разговорам на бытовые и школьные темы.

В тверской сборник 1774 года вошло десять диалогов, из них четыре написаны в стихотворной форме, шесть — прозой. Их содержание можно свести к следующим основным темам: методы и средства воспитания, проблемы философского характера, вопросы нравственного воспитания, тема образовательная и, наконец, тема социальная. Остановимся на тех из них, которые наиболее ярко отразили быт и нравы своего времени.

Выше отмечалась большая роль книги в жизни Тверской семинарии. «Разговор о чтении книг между Картофилом и Вивлофилом» дает возможность ближе приглядеться к этой стороне семинарского быта.

Из двух собеседников наиболее яркая фигура Картофил. Сама речь его, живая и образная, говорит о том, что многое в нем взято с натуры.

Картофил ищет себе партнера. Случай сталкивает его с Вивлофилом.

К. Здравствуй, государь мой! что вы не книгочей ли?

В. Правда есть у меня охота до книг.

К. Эх, так я не на такова попал! Я думал было ... ан да!

В. А что вы думали?

К. Я думал было, что у вас охота до карт есть.

В. Нет, государь мой, у меня охоты до карт нет.

К. Для чего так? Эта ведь игра забавна и корыстна; она мне весьма приятна; я ночи насквозь просиживаю с приятелями за картами; да еще тем хорошо, что у нас банк бывает денежной и бутылочной.<sup>8</sup>

Дальше разговор идет по обычной схеме. Вивлофил доказывает вред карточной игры и противопоставляет этому глупому занятию чтение, которое приносит человеку «увеселение и пользу». Картофил расценивает нравоучения своего собеседника как «вздор и грезы».

Однако Картофил оказывается вовсе не таким противником книг, как это может показаться с первого взгляда. Просто его читательские вкусы значительно отличаются от тех, которые старались привить семинаристам официальная педагогика и ее верный последователь Вивлофил. Все интересы Вивлофила сводятся к одной книге — к библии. Он горячо советует читать и перечитывать ее.

Этот совет встречает возражение у простодушного Картофила: «Велика эта книга! Наше ли дело ее читать? Ведь я не богослов, не поп, не проповедник, не монах». На возмущенное напоминание Вивлофила о том, что библия содержит слово божие, Картофил чистосердечно признается в своих симпа-

<sup>8</sup> Разговоры разного содержания прозой и стихами в пользу учащегося юношества, сочиненные в Тверской семинарии. СПб., 1774, стр. 23—24.

тиях, очень далеких от богословия: «Как не знать, да вот романы те меня прельщают как сирены».<sup>9</sup>

Диалог кончается обычным и совершенно не убедительным для читателя исправлением Картофила. Легко себе представить, с каким вниманием и сочувствием следили иные зрители за словесным поединком легкомысленного Картофила с добродетельным Вивлофилом. Можно поручиться, что симпатии очень многих были не на стороне последнего. Романы сумели, видимо, достаточно обольстить воспитанников, что и вызвало постановку «Разговора о чтении» на сцене Тверской семинарии.

Один из диалогов сборника 1774 года «Разговор об умеренном наказании отроков» приоткрывает любопытную страницу тогдашнего семинарского быта. Перед нами одно из смелых выступлений учащейся молодежи против все-исключительной розги — этой неотъемлемой части тогдашней воспитательной системы. Можно думать, что за этим протестом стояло сочувствие передового учительства, к которому принадлежал и сам ректор. Во всяком случае, без такой поддержки вряд ли подобный разговор мог быть поставлен на сцене семинарского театра.

Разговор ведут двое: Педагог и Петулянт.<sup>10</sup> Наставник угадывает по заплаканному лицу мальчика, что с ним случилась беда. Действительно, Петулянта пребольно высекали. При этом пострадавший не понимает, за что его подвергли суровому наказанию. Упреки Педагога в лени и резвости не убеждают Петулянта. «Правда, — говорит он, — лениться и резвиться мое дело». И все же это не повод для наказания: «Пусть я и ленив и игрив, только сечь меня не надлежало».

Спор между учителем и учеником интересен для нас в двух отношениях.

Во-первых, он помогает нам понять ту обстановку, которая создалась в семинарских кругах вокруг вопроса «об умеренном наказании отроков». Участвующий в споре Педагог не считает телесное наказание единственной или даже наиболее распространенной мерой воздействия. Таких мер много: «Советы, увещания, награда, честь, слава, страх, стыд». Широкое понимание воспитательных средств свидетельствует о том, что педагогика духовных школ того времени была не так элементарна и прямолинейна, как мы склонны о ней думать. По мнению Педагога, розга — крайняя мера, к которой следует прибегать, когда все другое исчерпано. Это дает наставнику повод сравнить воспитателя с доктором: «...лекари ведь режут тело, чтобы спасти жизнь». Таковы были первые попытки если не ослабить роль розги, то по крайней мере ограничить сферу ее применения.

Второе, что привлекает нас в «Разговоре об умеренном наказании отроков», это образ подростка, смелого, строптивого, находчивого, умного спорщика. Можно сказать, что он полностью оправдывает данное ему прозвище. На все сентенции Педагога: «леность ко всем порокам есть дверь», «лоза — шпоры ленивым и узда игривым» — Петулянт бросает дерзкие реплики: «Я думал, что уж ты проповедь мне начал говорить»; «Да отдавал бы ты сам, сколь сладка лоза та»; «Не хвалю я тех лекарей, которые это березовое выдумали лекарство»; «Полно, брат, пилюли та золотить, как можно душу лозой лечить».<sup>11</sup>

Согласно традиции действие должно заканчиваться исправлением грешника. Так и здесь Петулянт примиряется с ненавистной лозой, услышав от наставника, что священное писание разрешает подвергать детей телесному наказанию.

Вряд ли подобная концовка могла удовлетворить юных зрителей. Их симпатии, так же как и симпатии современного читателя, без сомнения, оставались

<sup>9</sup> Там же, стр. 28.

<sup>10</sup> Шалун, резвый ребенок (латинское *petulans*). — *Прим. ред.*

<sup>11</sup> Разговоры разного содержания... стр. 9—10.

до конца на стороне Петулянта. Итогом диалога было не мнимое раскаяние мальчика, а его взволнованные, благородные, полные сдержанного негодования и боли слова: «Так поступать с людьми, а наипаче с нашей братней мальчишками не гедится, да и бесчеловечное это дело».<sup>12</sup>

Главной целью духовного образования было воспитание церковного мировоззрения. Семинарист должен был стать не только глубоко верующим и богословски образованным человеком, но и активным защитником церкви. Он должен был уметь отразить нападение врага и рассеять сомнения колеблющегося.

В сборнике Тверской семинарии отражена борьба с влиянием деистической философии. Этому посвящен «Разговор о промысле божием».

В душу собеседника А закралось сомнение: вдруг бог, сотворив мир, отказался от руководства вселенной. Его противник В твердо убежден в том, что создатель никогда не перестает печься о своем творении. Происходит следующий обмен мнениями:

В. Сам промышляет бог, везде, всегда, о всем.

А. А что есть промышлять?

В. Хранить вещей порядок.

И силы подкреплять, что б не пришло в упадок.

А. Поэтому о всех печется так творец?

В. О всех поистине печется как отец.<sup>13</sup>

Но не так легко рассеять закравшееся в душу сомнение. Первый собеседник пробует опаривать аргументы противника ссылкой на известное сравнение бога-творца с часовщиком, заводящим часы:

А. А что же часовщик часы как заведет  
Исправивши со всем, то прочь от них уйдет;

Не так ли о всяя вселенная машине

Нам должно рассуждать и о ее всем чине.

И бог создавши вдруг оставил и забыл

А тем дабы себя напрасно не трудил.<sup>14</sup>

В отвергает предположения оппонента:

Хоть правда солнце так как стрелка часовая

Луна ж минутная и время разделяя

Нам светит завсегда; однак того отнюдь

Не думай, чтобы бог не промышлял сам тут:

Итак все действия, которы видим в свете

У бога в промысле, в правлении, в совете.<sup>15</sup>

Следующие строки подводят итог разгоревшемуся спору:

А. Так бог о всех вещах свой промысл продолжает?

В. Поистине о всех, что в мире ни бывает.<sup>16</sup>

В тверском сборнике, как и в каждой книге, адресованной юному читателю, большое место отведено беседам на моральные темы. Вопросам нрав-

<sup>12</sup> Там же, стр. 12.

<sup>13</sup> Там же, стр. 33.

<sup>14</sup> Там же, стр. 34.

<sup>15</sup> Там же, стр. 35.

<sup>16</sup> Там же.



ственного воспитания в сборнике посвящены: «Разговор прилежного с ленивым», «Разговор между умным и хвастливым», цикл бесед «Разговоры между печальным и утешающими» и «Разговор между малолетними учениками двоими».

Через все эти произведения красной нитью проходит одна тема: противопоставление двух людей, из которых один ясно мыслит, гордится своим человеческим достоинством, стремится приносить пользу обществу, другой — тунеядец и паразит, мечтающий только о личном благополучии, построенном на труде других людей.

Нравственный облик сибарита и лодыря раскрыт в образах Ленивого и Хвастливого.

Ленивый считает главным благом в жизни «и золото, и серебро, и медь». Заботиться о приобретении всех этих богатств ему нет нужды:

Оставит все богатство сыну  
При смерти и отец и мать.

«Все твари движутся, трудятся», но это не значит, что должен трудиться и действовать наследник богатых родителей, собственник поместий и крестьян:

Трудом я должен их питаться,  
Понеже я им господин.

На замечание собеседника: «то ведь без нашего труда не урожают наши нивы», Ленивец с раздражением отвечает:

Ты кажешься мне скучной бахарь;  
Поди, молчи, дай мне покой,  
Ведь я не деревенский пахарь,  
Пусть сам ходи ты за сохой.<sup>17</sup>

Идеал жизни сибарита несложен. Когда прилежный напоминает о старости, которая неизбежно сменит беззаботную молодость, Ленивец цинично заявляет:

Что говорить, я знаю это,  
Я человек не без ума.  
Весною должно веселиться,  
Зимой на печку уберусь;  
Довольно мне и в том трудиться,  
Что с боку на бок обернусь.<sup>18</sup>

Так жили предки, так должны жить и потомки:

Мой дед и без труда был дедом  
И состарелся на печи  
И я его иду же следом,  
А ты не спорь, а помолчи.<sup>19</sup>

Таков же жизненный идеал Хвастливого — самовлюбленного малого, упоенного своим благополучием. Он имеет «платья богатого много», у него статная фигура, крепкое здоровье, «все его хвалят». Он любит себя сам собою:

<sup>17</sup> Там же, стр. 16.

<sup>18</sup> Там же, стр. 15.

<sup>19</sup> Там же.

«Нет, как я уберусь нарядно, то ко мне пристало очень изрядно; всяк меня шитает мудрецом, когда выступаю убранным молодцом».<sup>20</sup>

Собеседник встречает самовлюбленного ироническими репликами: «голос соловья лучше твоего»; «придет старость, тогда и за неволю сторбишься»; «здоровье и скотам общее».

Той же теме — столкновению трудолюбивого с лодырем — посвящен «Разговор между малолетними учениками двоими». «В науках наше совершенство» — таково убеждение Дилigente (прилежного). «Мне хочется всегда гулять» — простодушно признается Неглигент (небрежный). Маленького лодыря не привлекает ученость: «ученые живут убого». Иначе понимает место науки в жизни его благоразумный товарищ:

Ученые себя познают точно,  
Чего невежды лишены.  
Те в свете ходят непорочны,  
Невежды тьмой погребены.<sup>21</sup>

Особый интерес представляет «Разговор 2-ой» из цикла «Разговоры между печальными и утешающими».

Речь в нем идет об утешении сироты, которому стараются внушить, что потеря родителей вовсе не является безутешным горем, так как бог заменит ребенку отца и мать. Несмотря на то что основная цель беседы — воспитание покорности и набожности, тема моральная перерастает здесь в тему социальную, оставляя в душе читателя чувство протеста и горечи.

В репликах сироты слышится голос глубоко несчастного и озлобленного человека. Действительность рано обернулась к мальчику своей оборотной стороной. Язвительной усмешкой отвечает сирота на сладкие речи утешителя: «Да, хорошо с стороны философствовать, а хлеба где взять, чем бы сыту быть».<sup>22</sup>

На советы молиться сирота бросает следующую едкую реплику: «Я, кажется, и так молитву оную нередко читаю, однак так, как Илья Пророк и ему подобные, пищи чудесно не получаю».<sup>23</sup>

Саркастически встречает он увещания безропотно выполнять волю Божию и уподобиться птицам небесным: «Сосед мой, — рассказывает сирота, — однажды на них целый день проглядел, только желудок у него с голоду скрипел, а ни откуда не получил ни пшеницы, ни конопель, а с ними вместе летать способности не имел; а как на другой день на чужой было копну хлеба взлетел, то его не чесно спугнули, да еще и в тюремную клетку посадили».<sup>24</sup>

На слова о том, что земля — мать человеку, мальчик с горечью замечает: «Ох, страшна эта матерь»; «Скучно у такой матери быть».

Во всех диалогах на моральные темы обращает на себя внимание обилие пословиц и афористических выражений. Приведу некоторые из них: по платью встречают, по уму провожают. Павлин красив, да тем несчастлив, что ноги худы. Думы за горами, а смерти за плечами. Сыну глупому не в помощь богатство, аще не купишь мудрости изрядство. Правда глаза колет. Что глухому в музыке, то слепому в цветах. Богатое платье к тому не очень пристало, у кого ума в голове мало и т. д.

Анализ вышеназванных произведений говорит о том, что участники сборника живо реагировали на окружающую действительность. Их интересы далеко не ограничивались тем, что происходило внутри семинарских стен. Хотя книга

<sup>20</sup> Там же, стр. 21.

<sup>21</sup> Там же, стр. 60.

<sup>22</sup> Там же, стр. 48.

<sup>23</sup> Там же, стр. 48.

<sup>24</sup> Там же, стр. 49.

в целом, казалось бы, ставила целью воспитание веры и нравственности, почти в каждой беседе возникала социальная тема. Критическое отношение к жизни проявилось прежде всего в создании образа отрицательного героя, лодыря и тунеядца, живущего на чужой счет и презирающего труд простого человека.

Но есть в тверском сборнике одно произведение, целиком посвященное социальной проблематике. Таков остро публицистический «Разговор о суде в кукушке», сатира которого направлена на волокиту и продажность суда.

В «Известиях Академии наук» за 1955 год была напечатана работа В. Д. Кузьминой «Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII века». Среди опубликованных исследовательницей текстов находится «Разговор о кукушке в суде».<sup>25</sup> Текст взят из рукописного сборника Государственного исторического музея (ГИМ, Собр. Вахрамеева, № 567), датированного 1789—1792 годами. В развернутом комментарии к публикации автор указал, что все тексты, в том числе и «Разговор о кукушке в суде», «оставались до сих пор неизданными». Утверждение это ошибочно.

Кроме текста, напечатанного в сборнике «Разговоры разного содержания» 1774 года, имеется и вторая публикация этого произведения. В. Колосов в приложении к одной из глав своего труда «История Тверской духовной семинарии» поместил полный текст «Разговора о суде в кукушке». Источником для него послужил рукописный сборник проповедей XVIII в. Разговорам была предпослана приветственная речь, обращенная к посторонним посетителям семинарских торжеств. Это свидетельствует о том, что включенные в рукопись произведения исполнялись во время диспутов.<sup>26</sup> Все три редакции диалога «О кукушке в суде» — в тверской книге 1774 года, в работе В. Колосова и в «Известиях Академии наук» — очень немногим разнятся друг от друга. Различия сводятся главным образом к перестановке некоторых слов, а иногда к замене одного слова другим.

«Разговор о кукушке в суде» представляет собой не столько обычного рода диалог, сколько рассказ одного из собеседников о пережитых им злоключениях в суде. Поводом к суду явилась драка с товарищем. Поводом к драке — спор о том, кому из двоих кукувань кукушки предвещает несчастье.

Подробный анализ «Разговора о кукушке в суде» дан в работах В. Д. Кузьминой.<sup>27</sup> Поэтому мы ограничимся здесь только краткими указаниями на некоторые основные черты, характеризующие это несомненно значительное произведение русской демократической сатиры XVIII века.

Большим достижением анонимного автора явилось умение скупыми красками нарисовать полнокровные образы судебных чиновников. Особенно удачны судья и повытчик. Судья соединяет в себе два, казалось бы, несовместимых свойства: алчность и набожность. Это лицемер до мозга костей. Автор не побоялся в стенах духовного учебного заведения осудить ханжество, ту внешнюю религиозность, которая служит прикрытием злой и корыстолюбивой души. Сама речь судьи, изобилующая уменьшительными и

<sup>25</sup> В. Д. Кузьмина. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII века. «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», т. XIV, вып. 4, 1955, стр. 374—383. Все известные нам тексты диалога (сборник 1774 года, книга В. Колосова, Вахрамеевское собрание) носят название «Разговор о суде в кукушке». В. Д. Кузьмина заменяет это заглавие другим — «Разговор о кукушке в суде».

<sup>26</sup> В. Колосов. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889, стр. 207—211.

<sup>27</sup> Кроме названной статьи в «Известиях Академии наук», см. кн.: В. Д. Кузьмина. Русский демократический театр XVIII века. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 32—34, 193.

ласкательными словечками, а по сути своей жестокая и беспощадная, полностью раскрывает характер этого блюстителя правосудия.

Олицетворением другой стороны суда является понытчик. Хитрый и изобретательный, он выведен как правая рука и главная опора судьи. В его лице дана беспощадная сатира на крючкотворство и казуистические приемы судебных чиновников.

Вторая особенность диалога о кукушке в суде, придающая сатире особенную убедительность, это безукоризненная осведомленность анонимного автора в делах судопроизводства. Богатство судебной терминологии свидетельствует о том, что сатирик хорошо знал не только суд прошлых лет, но и современную ему судебную процедуру. Сюжет, положенный в основу рассказа, является не чем иным, как своеобразным, сатирически обыгранным судебным процессом. Перед читателем проходит целая вереница свидетелей, начиная от теленка и жеребенка, кончая убитой лисой, шкура которой отсылается жене судьи.

Не трудно установить литературные традиции, на которые опиралось творчество сатирика. Словарный состав, композиционные приемы, рифмованная пословичная речь — все это говорит о близости «Разговора о кукушке в суде» к народной сказке. Отдельные эпизоды, в частности эпизод с отводом отдельных свидетелей, заставляют предполагать хорошее знакомство автора с пародийной литературой.

Весь ход повествования логически приводит к выводу: «Ой, кокушка! ой, горемычная кокушка! видно ты подьячим хорошая дружка; А нам бедным несчастливая игрушка».

В этих словах потерпевшего заключена идея произведения.

Подведем итоги краткому анализу книги «Разговоры разного содержания прозою и стихами в пользу учащегося юношества, сочиненные в Тверской семинарии».

Содержание сборника отражает значительное влияние демократической мысли и демократических настроений на жизнь Тверской семинарии. Сотни детей сельских священников и дячков, «посадских и купецких детей» принесли в стены училища немалый жизненный опыт, воспоминания о трудном детстве, подчас уязвленное самолюбие, знание, что такое нужда и жизнь впроголодь. Церковные песнопения и церковные проповеди не могли приглушить боли за себя и близких, чувств протеста против несправедливости, царящей вокруг.

Эти наблюдения согласуются с тем, к сожалению, очень немногим, что мы знаем о людях, связанных с семинарской средой.

Талантливый самородок, выходец из бедной посадской среды, Диомид Карманов, несмотря на всю свою наивную приверженность к Екатерине II, в сущности до конца жизни сочувствовал простому народу. Вся его жизнь — борьба за знание, скорбь о невежестве окружающих его людей.

Неизученной остается биография и творчество интересного семинарского поэта и баснописца Федора Модестова. Внутренний мир этого человека раскрывается в одном из его наиболее популярных стихотворений:

Если хочешь ты спокойно  
Жизнь свою препроводить,  
Постоянно, благостройно  
От напасти сохранить;  
То с вельможами не знайся,  
Вишен с их стола не ешь,  
И в карете опасайся  
С ними ехать, иди пеш.  
Хоть они сперва и греют  
Дружески тебя лучем,

Но смотри, расвирепеют  
 Неприятельским огнем.  
 Поднесут ти чашу яда,  
 Чашу смертных воды,  
 Ты пропал бедняк за гада,  
 Вот последствия беды!<sup>28</sup> и т. д.

Не исключена возможность, что Модестов был одним из сотрудников сборника 1774 года.

Типичным человеком из народа был преподаватель греческого языка — Иван Евдокимов. С его именем связаны первые, самые трудные годы жизни Тверской семинарии. Педагог по призванию, педагог энтузиаст, неутомимый пропагандист просвещения, беззаветно верящий в его живительную силу, Евдокимов был в вечной борьбе с начальством, подвергался гонениям и оскорблениям. Судьба его была трагична. Он умер в бедности и безвестности. После Евдокимова остался труд, имеющий историческую ценность: «Список иерархов Тверской епархии». В него включен рассказ о суде над Феофилактом Лопатинским — современником автора.

Итак, симпатии к народу, сочувствие к беднякам, ропот против несправедливости и угнетения, жажда знания имели в семинарии глубокие корни. Неудивительно, что они дали свои плоды. Колосов подчеркивает, что в первые десятилетия XIX столетия Тверская семинария пользовалась у правительства дурной славой.

Характерен случай, имевший место в Твери в начале царствования Николая I.

В городе произошло необычайное событие: на жизнь епископа тверского было произведено покушение. Молва считала виновниками преступления звонарей и сторожей, которых епископ отказался спасти от солдатчины. Тем не менее суд отдал в солдаты восемьдесят тверских жителей, из них девятнадцать воспитанников духовной семинарии.

Современники стали свидетелями следующей душераздирающей сцены. Через город стройными рядами, с высоко поднятыми головами шли, сопровождаемые тысячной толпой, осужденные семинаристы. Они пели песню, и слова ее, скорбные и вместе с тем торжественные, далеко разносились по улицам и площадям:

Други, участь решена!  
 Мы не вольны боле;  
 Жизнь нам горьку суждено  
 Проводить в неволе.  
 Други, други, не горюйте:  
 Бог защитник наш!  
 Не воротят нас теперь  
 В храм наук священный,  
 И впоследствии слышит Тверь  
 Голос наш смущенный.  
 (Припев)  
 Голод, мраз, палящий зной  
 В возрасте незрелом,  
 Со врагом кровавый бой  
 Будет нам уделом.  
 (Припев)  
 Ты господь, защитник будь  
 Нам в путях опасных,  
 И всеумудрый не забудь

<sup>28</sup> В. Колосов. История Тверской духовной семинарии, стр. 185—186.

Сирых и злосчастных.

(Привев)

Ты прости, отец и мать,  
В путь благословите,  
Чтоб несчастий избежать,  
Бога вы молитесь!

(Привев)<sup>29</sup>

Эта полная драматизма песня родилась несомненно в семинарской среде. Таковы были потомки тех поэтов, которые за шестьдесят лет до этого, в годы Арсения Верещагина — основателя «Тверского Парнасса», сочиняли стихи для школьных диспутов.

Рассматриваемый сборник имеет для нас ценность еще в одном отношении. Издатель и составитель его не собирався ограничить читательскую аудиторию исключительно воспитанниками духовных школ. «Разговоры разного содержания» адресованы «в пользу учащегося юношества», т. е. имеют в виду школу любого типа и даже семью. Это оправдывало включение 1-го сборника в библиографию детской и юношеской литературы.<sup>30</sup>

В семидесятые годы XVIII века вышло в свет не более 25 книг (переводных, в меньшем количестве оригинальных), предназначенных для всех возрастов, включая подростков. Книги, адресованные юному читателю, в первой половине 70-х годов насчитывались единицами.<sup>31</sup> Значение сборника Тверской семинарии еще более возрастет, если мы сопоставим его с книгами, опубликованными одновременно с ним.

В 1774 году вышли в свет следующие издания для детей и юношества: «Юношеское училище, или нравоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами» Ле Пренс де Бомонт; «Наставление младенцам» А. Сумарокова; «Краткое понятие о всех науках для употребления юношества»; «Нравоучительные басни, выбранные в пользу благородных воспитанников импер. Сухопутного шляхетского корпуса».

Дворянский характер перечисленных книг несомненен. На этом фоне еще ярче выступает демократическая направленность ряда произведений сборника. Если мы обратимся даже к быстро растущей и сравнительно богатой детской литературе 80-х и 90-х годов XVIII века, то и там мы найдем немного произведений, равных по сатирической остроте «Разговору о суде в кукушке» или беседе утешающего с сиротой. Все это делает «Разговоры разного содержания» значительным явлением русской литературы для детей и юношества.

В заключение рассмотрим еще один вопрос, который нельзя обойти.

Внимание как дореволюционных, так и советских исследователей давно привлекали детские и отроческие годы И. А. Крылова. И это не случайно. В биографии великого баснописца ранние годы приобретают особое значение, так как именно в них лежит разгадка некоторых особенностей творческого развития писателя.

Первое произведение И. А. Крылова «Кофейница» было написано юшей, почти мальчиком. Однако в пьесе уже выявились основные черты, характерные для всего последующего творчества И. А. Крылова: сатирическая острота, демократизм, тонкое чувство народного языка.

<sup>29</sup> В. Колосов. Прошлое и настоящее г. Твери. Тверь, 1917, стр. 100—101.

<sup>30</sup> О. В. Алексеева. Библиография русской детской книги (1717—1854). В кн.: Материалы по истории детской литературы. Под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова, т. I, вып. 2. М., 1929, стр. 106, № 1233.

<sup>31</sup> Данные весьма приблизительны, так как часто трудно провести границу между учебником и детской книгой для чтения.

Откуда пришла эта зрелость? Только ли талант предопределил развитие юноши? Всякий талант, как бы он велик ни был, нуждается для своего роста в соответствующей обстановке и среде. Нередко предпосылки деятельности взрослого человека заложены в его детстве.

Перед исследователями творчества Крылова, в частности начального периода его деятельности, по-прежнему стоят две задачи: во-первых, розыски новых фактов, во-вторых, подробное изучение культурной жизни Твери. В последнем плане книга «Разговоры разного содержания» дает некоторый новый материал.

И А. Крылов жил в Твери с 1775 по 1783 год. Это было время наибольшего расцвета Тверской семинарии под руководством Арсения Верещагина. О возможной связи маленького Крылова с семинарией, о посещении им диспутов, о вероятном влиянии на него семинарских представлений, в частности «Разговора о кукушке в суде», говорил еще А. К. Жизневский в докладе, посвященном 50-летию со дня смерти великого баснописца (9 XI 1894). Эти мысли были поддержаны советскими учеными: А. В. Западковым, А. В. Десницким.<sup>32</sup> «Разговоры разного содержания» расширяют и углубляют наши представления о тверских диспутах. Мало того, книга — свидетельство большой творческой жизни, которая шла в стенах семинарии. Весьма вероятно, что многое из того, чем жили семинаристы, не было до конца известно их духовным руководителям. Книжка, изданная в 1774 году в Петербурге, несомненно попала потом в родной город, ее могли читать дети и учащаяся молодежь. Мог читать ее и Крылов.

В добавление укажем еще на одно обстоятельство. Изучая биографию И. А. Крылова, мы проходим мимо имени Д. И. Карманова. Между тем отец баснописца А. П. Крылов, председатель губернского магистрата, мог быть связан с Кармановым, который в те годы был первым тверским нотариусом. Карманов обладал великолепной библиотекой<sup>33</sup> и был страстным пропагандистом книги. Может быть, эта тоненькая нить поможет исследователям установить новые факты, относящиеся к детству великого баснописца.

---

<sup>32</sup> А. К. Жизневский. Поминки по Иване Андреевиче Крылове. Читано на заседании Тверской ученой архивной комиссии. Тверь, 1895, стр. 8; А. В. Десницкий. Крылов-баснописец. Этюды о творчестве И. А. Крылова. «Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. VII, Л., 1937, стр. 7—54; А. В. Западков. И. А. Крылов. Изд. «Искусство», 1951, стр. 8.

<sup>33</sup> Библиотека тверского археолога XVIII века Д. И. Карманова. Сост. В. Колосов. Тверь, 1907, 18 стр.